

и добродѣтелями сдѣлались святыми и непорочными. И послѣ этого дерзнуть кто-нибудь упрекнуть насъ въ ереси Оригена? Уже 18-ть лѣтъ прошло, какъ я составилъ эти книги, въ то время, когда славилось въ мірѣ имя Оригена, когда неизвѣстно было на латинскомъ языкѣ его произведеніе: *περί Ἀρχῶν* и однако я открыто высказалъ свой взглядъ и выставилъ на видъ все, что мнѣ не нравилось. Понятно, что и въ остальномъ, если могутъ въ чемъ нибудь упрекнуть меня мои недруги, то не въ томъ, чтобъ я увлекся еретическими мнѣніями, которыя какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ я часто осуждалъ, а развѣ въ томъ, что допустилъ какую либо неумышленную погрѣшность.

23. Вѣра церкви. Относительно другаго мѣста, за которое, какъ говорилъ мнѣ братъ, онъ порицаетъ меня,—такъ какъ обвиненіе ничтожно и явно обличаетъ свою несостоятельность, я скажу коротко. Послѣ многосторонняго объясненія мѣста Апостола Павла, въ которомъ онъ говоритъ: *посадивъ Его одесную Себе на небесныхъ: превъше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имени именуемаго не точію въ вѣцъ семъ, но и грядущемъ* (Еф. 1, 20—21)*, когда я дошелъ до обязанностей служителей Божіихъ и говорилъ о начальствахъ, властяхъ, силахъ и господствахъ,—я прибавилъ слѣдующее: «необходимо, чтобы онѣ имѣли подчиненныхъ, которые бы боялись ихъ и служили имъ и которые укрѣплялись бы ихъ примѣромъ. Это раздѣленіе должностей имѣетъ значеніе не только относительно настоящаго вѣка, но и относительно будущаго, такъ что, чрезъ отдѣльные случаи преуспѣянія и почестей, восхожденія и нисхожденія, каждый или возвышается или умалется и переходитъ по различнымъ степенямъ служенія у высшихъ чиновъ, каковы: начальства, власти, силы и господства». Приведши въ примѣръ земнаго царя и подробнымъ описаніемъ дворца показавши раз-

Твор. бл. Иеронима,

личное распредѣленіе обязанностей служителей Божіихъ, я присовокушилъ: «а мы думаемъ, что Богъ,—Господь господей, Царь царствующихъ доволенъ только простымъ служеніемъ Себѣ?» Какъ Архангеломъ зовется только тотъ, кто первый между ангелами, такъ и Начальства и Власти и Господства не назывались бы такъ, если бы не имѣли подчиненныхъ себѣ, низшихъ по себѣ степеней. Если же онъ думаетъ по этому, что я слѣдую Оригену. потому что и преуспѣянія, и почести, и восхожденія, и нисхожденія, и возрастанія и умаленія изложилъ въ своемъ объясненіи, то пусть онъ знаетъ, что много различія говорить объ Ангелахъ и Херувимахъ и Серафимахъ и быть духами и людьми вмѣстѣ, какъ утверждаетъ Оригенъ; а что Ангелы распредѣлили между собой различные роды должностей, это нисколько не противорѣчитъ церкви. Какъ и между людьми степень достоинствъ различна по различію труда, когда епископъ и пресвитеръ и каждая степень церковная имѣетъ свое положеніе и однако всѣ—люди, такъ и между Ангелами различны заслуги и однако всѣ они остаются въ своемъ ангельскомъ достоинствѣ и изъ Ангеловъ не бываютъ люди и люди не преобразуются въ Ангеловъ.

24. По скромности не указалъ именъ толкователей. Третье мѣсто укоризны, что на слова Апостола: да явитъ въ вѣкахъ грядущихъ преизобильное богатство благодати своей въ благости своей къ намъ во Іисусѣ Христѣ, мы помѣстили тройное толкованіе. Въ первомъ высказали собственное мнѣніе, во второмъ —противоположный нашему мнѣнію взглядъ Оригена, въ третьемъ—простое толкованіе Аполлинарія. Если при этомъ я не назвалъ ихъ именъ, прости моей скромности: я не долженъ былъ порицать тѣхъ, которымъ отчасти подражалъ и мнѣніа которыхъ переводилъ на латинскій языкъ. Но въ своемъ толкованіи послѣ своего объясненія я сказалъ, что теперь приведу мнѣніе и изысканія того, кто внимательно читалъ, изучалъ Писаніе. А потомъ при концѣ объясненія прибавилъ: «и

другой толкователь принимаетъ приведенныя слова Апостола въ такомъ смыслѣ*. На основаніи этихъ словъ ты можешь быть поставишь въ упрекъ, что я высказалъ мнѣніе Оригена подъ именемъ внимательнаго, старательнаго толкователя. Со-знаюсь въ ошибкѣ: я не долженъ былъ называть его стара-тельнымъ, но злословнымъ и если-бъ это я сдѣлалъ и по ка-кому-нибудь предвѣдѣнію я зналъ, что ты будешь привязы-ваться къ пуснякамъ подобнаго рода, я избѣжалъ бы словъ укоризны. Тяжкое преступленіе, если я назвалъ старательнымъ изучателемъ Писанія того, семьюдесятью книгами толкованій котораго я пользовался при своихъ трудахъ, котораго я пре-возносилъ до небесъ въ своихъ похвалахъ и въ защиту кото-раго я за два года передъ симъ вызванъ былъ отвѣчать небольшою книжкою на твои укоризны противъ меня (Посланіе къ Пам-махію, писанное два года-тому назадъ). Ты среди своихъ по-хвалъ вставляешь укоризну, что я назвалъ Оригена учителемъ церкви и думаешь, что я долженъ убоиться непріязненнаго съ твоей стороны обвиненія въ томъ, что я назвалъ Оригена старательнымъ читателемъ. Но мы и такъ обыкновенно назы-ваемъ и самыхъ бережливыхъ купцовъ; и добрыхъ служителей, и тягостныхъ педагоговъ, и самыхъ изворотливыхъ воровъ ста-рательными. И въ Евангеліи о несправедномъ домоправителѣ говорится, что онъ сдѣлалъ нѣчто благоразумно (Ев. Луки 16 гл.). И еще: мудрѣйши сыны вѣка сего предъ сынами свѣта въ родѣ своемъ (тамъ-же XVI, 8). И въ другомъ мѣстѣ: зміи же бѣ мудрѣйшіи всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли, ихъ же со-твори Господь Богъ (Быт. III, 1).

25. Объясненіе выраженія Апостола: тѣло смерти. Чет-вертое мѣсто укоризны относится къ началу второй книги, гдѣ объясняется текстъ Апостола Павла: сего ради азъ Павелъ уснивъ Іисусъ Христовъ о васъ языцѣхъ (Еф. III, 1). Такъ какъ это мѣсто ясно, то я изложу только ту часть объясне-

нія, которая подаетъ поводъ къ укоризнѣ. «Что Апостолъ называетъ себя узникомъ Иисуса Христа за язычниковъ, это можно понять и въ смыслѣ мученичества, потому что онъ писалъ это посланіе изъ своего заключенія въ оковахъ въ Римѣ, въ то время, въ которое, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, были писаны имъ посланія къ Филимону, къ Колоссаамъ и Филипписіамъ. Но можно это мѣсто понимать и такъ, что, такъ какъ во многихъ мѣстахъ тѣло называется оковами души, въ которыхъ она держится какъ-бы въ заключенной темницѣ, то Апостолъ говоритъ здѣсь о своемъ заключеніи въ узахъ тѣла и своемъ не отпаденіи, а пребываніи со Христомъ, чтобы проповѣдь его къ язычникамъ исполнилась совершенная. Нѣкоторые вводятъ еще въ это мѣсто и такой смыслъ, что Апостолъ былъ связанъ предназначеніемъ и освященіемъ на проповѣдь къ язычникамъ еще отъ утробы своей матери, прежде чѣмъ родился и получилъ узы тѣла». И въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ и прежде, я представилъ три толкованія, — одно свое собственное, — другое толкованіе Оригена, въ третьемъ изложилъ направленное противъ ученія Оригена мнѣніе Аполлинарія. Прочитай греческія толкованія и если не найдешь этихъ мнѣній тамъ, я признаю свою вину. Въ чемъ же моя погрѣшность въ этомъ мѣстѣ? Опять въ томъ же, на что уже я отвѣчалъ, — именно: почему я не назвалъ тѣхъ, у кого я заимствовалъ эти мнѣнія? Но это было совершенно излишне, при каждомъ свидѣтельствѣ Апостола приводитъ имена тѣхъ, пользоваться небольшими трудами которыхъ я общался въ Введеніи къ своему труду. И однако нѣтъ никакой нелѣпости говорить, что душа связана тѣломъ, пока не возвратится ко Христу и въ воскресеніи славы не преобразуетъ это тлѣнное и смертное тѣло нетлѣніемъ и безсмертіемъ. Отсюда понятно и выраженіе Апостола: несчастный я человѣкъ! кто меня освободитъ отъ тѣла смерти сей? Здѣсь называется тѣло тѣломъ смерти, потому что оно под-

вержено недостаткамъ и болѣзнямъ, различнымъ разстройствамъ и наконецъ смерти, пока не воскреснетъ со Христомъ во славу и пока эта бренная глина не обожжется теплотою Святаго Духа въ самый крѣпкій сосудъ, перемѣняя славу, но не при-
роду.

26. Пятое мѣсто укоризны самое сильное, въ которомъ мы объясняли слѣдующее свидѣтельство Апостола: въ Немъ (во Иисусѣ Христѣ) все тѣло, составленное и связанное единствомъ соподчиненія сообразно соразмѣрному дѣйствию каждаго члена, мирно совершаетъ свое приумноженіе въ созиданіе себя (Еф. IV, 16). Приводя пространное разсужденіе Оригена, раскрывающаго различными выраженіями однѣ и тѣже мысли, мы выразили его кратко, не опустивши при этомъ ничего изъ его примѣровъ и главныхъ положеній. Когда же дошли до конца, прибавили слѣдующее: «и такъ при всеобщемъ воскресеніи, когда придетъ исцѣлять нынѣ разсѣянное и разорванное тѣло всей церкви истинный Врачъ Иисусъ Христосъ, каждый получить свое мѣсто по мѣрѣ вѣры и познанія Сына Божія (потому говорится, что признаетъ Его, что прежде зналъ и послѣ не переставалъ знать) и начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, такъ, однако, что всѣ будутъ поставлены не въ одно состояніе, какъ думаютъ нѣкоторые еретики,—именно, будто всѣ преобразуются въ Ангеловъ, но каждый членъ будетъ усовершентъ, сообразно свосей мѣрѣ и своему назначенію. Такъ, напримѣръ, павшій Ангелъ начнетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ сотворенъ и человѣкъ, изгнанный изъ рая, снова будетъ возвращенъ для обработыванія рая» и проч.

27. Объясненіе двухъ ересей. Удивляюсь, какъ ты, весьма благоразумный человѣкъ, не понялъ способа моего изложенія. Ибо когда я говорю, что не всѣ, какъ утверждаетъ одна ересь, будутъ поставлены въ одно состояніе, я показываю и то, что есть еретическаго въ этомъ мнѣніи и то, чѣмъ она отличается

отъ другой ереси. Какія же это двѣ ереси? Одна, которая говоритъ, что всѣ разумныя существа преобразуются въ Ангеловъ; другая, которая утверждаетъ, что все при всеобщемъ воскресеніи будетъ тѣмъ, чѣмъ было создано. Такъ наприимѣръ, поелику изъ Ангеловъ стали демоны, то при воскресеніи демоны опять преобразуются въ Ангеловъ и души людей преобразуются не въ Ангеловъ, но въ то, чѣмъ онѣ были созданы Богомъ, такъ что и праведные и грѣшные сдѣлаются равными. Наконецъ, чтобы ты зналъ, что здѣсь я излагаю не свое собственное мнѣніе, но сравниваю между собой ереси, изъ которыхъ о той и другой я читалъ на греческомъ языкѣ,—я привожу разсужденіе, которымъ я закончилъ объясненіе этого мѣста: «И такъ, какъ мы выше сказали, на нашемъ языкѣ это болѣе темно, потому что на греческомъ выражено метафорически, а всякая метафора, дословно переведенная на другой языкъ, заглушаетъ какъ-бы терніемъ смыслъ и понятіе рѣчи». Если все это, что здѣсь сказано, не найдешь на греческомъ языкѣ, считай моимъ.

28. Шестой и послѣдній упрекъ (если только братъ мой не забылъ чего нибудь, что между другими объясненіями подвергалось упрекамъ),—зачѣмъ я, объясняя мѣсто Апостола, гдѣ онъ говоритъ: кто любитъ свою жену, тотъ любитъ самого себя. Ибо никто не ненавидитъ когда-либо плоть свою, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ Христосъ церковь (Еф. V, 28—29), послѣ простаго толкованія изложилъ вопросъ Оригена и отъ лица его, умолчавши объ имени, сказалъ: «намъ могутъ сказать, что не вѣрна самая мысль Апостола: никто не ненавидитъ свою плоть, потому что страдающіе желтухой, чахоткой, ракомъ, размягченіемъ мозга предпочитаютъ умереть, чѣмъ жить и ненавидятъ свои тѣла». Но тотчасъ же послѣ этого, заимствованнаго у Оригена, возраженія я прибавилъ отъ себя: «и такъ рѣчь Апостола нужно принимать здѣсь болѣе въ пе-

реносномъ смыслѣ». Когда же я принялъ слова Апостола въ переносномъ смыслѣ, то этимъ самымъ я говорю, что это невѣрно, такъ какъ оно высказано, но что оно прикрито покровомъ аллегоріи. Но приведемъ здѣсь относящіяся сюда подлинныя слова Оригена изъ его третьей книги: «и такъ мы можемъ сказать, что только ту плоть, которая явить собой нѣчто полезное, доброе предъ лицомъ Бога, душа и любить, и питаетъ, и грѣетъ, обучая наукамъ, насыщая небеснымъ хлѣбомъ и напоая кровію Христа такъ, чтобы обновленная и просвѣтленная она свободнымъ движеніемъ могла слѣдовать за волей человѣка, не обременяясь никакою слабостію, никакою тяжестію. Прекрасно сопоставленіе образа Христа, питающаго и согрѣвающего Церковь и говорящаго въ обращеніи къ Іерусалиму: сколько разъ хотѣлъ я собрать твоихъ дѣтей, какъ кокошь собираваетъ птенцовъ своихъ подъ крыло свое и вы не захотѣли (Матѣ. XVIII, 37), съ душою согрѣвающей и питающей свое тѣло, чтобы это тлѣнное одѣлось нетлѣніемъ и, поднятое какъ бы легкими крыльями, свободно могло парить съ высотъ (1 Кор. 25). И такъ пусть питаютъ мужья своихъ женъ и души свои тѣла, чтобы и жены преобразились въ мужей и тѣла—въ души и не было-бы никакого различія половъ, но какъ у Ангеловъ нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго, такъ и мы, которые будемъ подобны Ангеламъ, начнемъ уже теперь быть тѣмъ, чѣмъ уготовано намъ быть на небесахъ».

29. Присгупая къ простому, непосредственно представившемуся намъ, объясненію приведеннаго мѣста Апостола, мы высказались: «Если толковать просто, то въ этомъ наставленіи Апостола мы поучаемся святой любви между мужемъ и женой, по которой супруги должны заботиться другъ о другѣ, предлагая взаимное содѣйствіе въ приготовленіи пищи, одежды и всего, что необходимо для жизни». Таково наше мнѣніе. За тѣмъ все, что слѣдуетъ далѣе и что можетъ быть выставлено

противъ насъ, должно быть понимаемо, какъ мы показали, не отъ нашего лица, но отъ лица противорѣчащихъ между собой другихъ толкователей. Этотъ простой и положительный отвѣтъ, поставленный рядомъ съ аллегорическимъ толкованіемъ Оригена, которое мы выше привели, хотя и можетъ быть понято извращенно и представить совѣтъ не то, что въ немъ было выражено, однако я приступаю ближе и буду допытываться у тебя, что тебѣ не нравится въ этомъ разсужденіи? Тебѣ не нравится именно то, что я сказалъ, что души согрѣваютъ свои тѣла, какъ мужья своихъ женъ, чтобы это тлѣнное одѣлось нетлѣніемъ и поднятое какъ бы легкими крыльями свободно могло парить въ высоту. Но когда я говорю о преобразованіи тлѣннаго состава въ тѣлахъ въ нетлѣнный, я не измѣняю природы тѣлъ, но только возвышаю достоинство. Равно, когда я придаю тѣламъ крылья т. е. безсмертіе для того, чтобы открылся для нихъ доступъ на небо, я не лишаю тѣла того, чѣмъ онѣ были. Но ты скажешь, что твое чувство возмущено слѣдующимъ за тѣмъ прибавленіемъ: «и такъ да питаютъ и согрѣваютъ мужи своихъ женъ и души свои тѣла, чтобы и жены преобразились въ мужей и тѣла въ души и чтобы не было никакого различія половъ, но какъ между Ангелами нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго, такъ и мы теперь уже на землѣ да начнемъ быть тѣмъ, чѣмъ уготовано намъ быть на небесахъ». Дѣйствительно это возмущало бы, если-бъ я не прибавилъ непосредственно: начнемъ теперь уже быть тѣмъ, чѣмъ уготовано намъ быть на небесахъ. Если я прибавилъ: начнемъ дѣлаться здѣсь на землѣ подобными Ангеламъ, то этимъ самымъ показываю, что не уничтожаю при своемъ толкованіи природы половъ, но отнимаю только страсть и соитіе мужа съ женой, по слову Апостола: время коротко: по этому имѣющіе женъ да пребываютъ, какъ не имѣющіе (1 Кор. VII, 29). И Господь на вопросъ, кому изъ семи братьевъ при воскресеніи должна достаться жена, гово-

рить въ Евангеліи: ошибаетесь, не зная Писанія, ни силы Божіей: потому что въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но остаются, какъ Ангелы Божіи на небесахъ (Матѣ. XXII, 29—30). И дѣйствительно, гдѣ сохраняется цѣломудріе между мужемъ и женой, тамъ уничтожается различіе мужа и жены, и оставаясь еще на землѣ, они перемѣняются въ Ангеловъ, между которыми нѣтъ ни мужа ни жены. Объ этомъ говоритъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ: кто крестился во Христа, тотъ облеченъ во Христа. Нѣтъ различія между іудеемъ и еллиномъ, рабомъ и свободнымъ, мужемъ и женой: ибо вы все одно въ Иисусѣ Христѣ (Гал. III, 27—28).

30. Разоблачаетъ другія обвиненія Руфина и по поводу его перевода Григорія Назіанзина обличаетъ его въ незнаніи греческаго языка, которому Руфинъ учился безъ учителя.

Такъ какъ мы обошли уже въ своей рѣчи все, что было въ обвиненіяхъ противъ насъ тяжелаго и жесткаго и побѣдоносно опровергли взведенныя на насъ обвиненія въ ереси, то теперь переходимъ къ другимъ сторонамъ его обвиненій, которыми онъ старается уязвить насъ. Первое изъ этихъ обвиненій, что я человѣкъ злословный, порицатель и поноситель всѣхъ, кого только не приходится задѣть мнѣ въ своей рѣчи. Но пускай представитъ хоть одного, имя котораго я поносилъ бы въ своихъ произведеніяхъ и объ искусствѣ котораго, равно какъ и о немъ самомъ я отозвался бы съ насмѣшливой похвалой. Если же я говорю противъ завистниковъ и остріе моего пера язвитъ Люскія Лавинія, или Азинія Полліона изъ рода Корнеліевъ ¹⁾, если я отталкиваю отъ себя язвительнаго и завистливаго человѣка и при этомъ на одного глупца направ-

¹⁾ По свидѣтельству Сенеки, Люскій Лавиній былъ соревнователемъ и подражателемъ Теренція, Азиній Полліонъ—Цицерона. Руфинъ же и другой монахъ, который былъ изъ рода Корнеліевъ, старались подражать этимъ упомянутымъ Іеронимомъ писателямъ.

ляю всѣ свои стрѣлы, то за чѣмъ онъ свои раны раздѣляетъ на многихъ? За чѣмъ своимъ нетерпѣніемъ отвѣчать онъ выдаетъ себя, показывая, что онъ то самое лицо, которое и требуется? Онъ обвиняетъ меня въ клятвopecтyплeніи, смѣшанномъ съ святотатствомъ, за то, что въ книгѣ, въ которой я доказывалъ, что Христосъ не подверженъ первородному грѣху (22 письмо къ Евстохію), въ сонномъ состояніи общалъ предъ трибуналомъ судьи никогда не заниматься свѣтскими науками, а между тѣмъ по временамъ воспроизвожу въ памяти отрывки изъ этого осужденнаго образованія. Именно къ этому вызвалъ меня Саллюстіанъ Кальпурній, который предложилъ въ своемъ «Великомъ Ораторѣ» не великій вопросъ и котораго я удовлетворилъ небольшою книжечкой. Теперь будемъ отвѣчать на это обвиненіе въ святотатствѣ и нарушеніи клятвы, данной въ сонномъ состояніи. Я сказалъ, что я никогда не буду заниматься свѣтскими науками: но обѣщаясь за будущее, я не могъ обѣщать истребить, изгладить изъ памяти то, что сохраниено въ ней отъ прежняго времени. Но какимъ образомъ, скажешь, ты удерживаешь въ памяти то, чего въ продолженіе такого времени не возобновлялъ въ ней новымъ пересчитываніемъ? Опять, если я что нибудь приведу изъ древнихъ книгъ и скажу на примѣръ стихъ изъ Виргилія: много значить пріобрѣтать привычку съ юности (Георгики II); то, опровергая противное мнѣніе и приводя въ свидѣтельство этотъ стихъ, я впадаю въ преступленіе и изобличаюсь тѣмъ самымъ, что привожу въ свою защиту. Значить для меня теперь остается путь длинныхъ доказательствъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы достаточно одно свидѣтельство кого нибудь. Кто изъ насъ не помнить своего дѣтства? Чтобы вызвать смѣхъ у тебя, весьма серьезнаго человѣка и заставить напомнить собой Красса, про котораго Люцилій говоритъ, что онъ только однажды въ жизни смѣялся, я приношу тебѣ изъ своего дѣт-

ства, какъ я прыгалъ въ комнатѣ служительской, праздничные дни проводилъ въ играхъ и вырванный изъ объятій бабушки насильно былъ влечимъ къ жестокому Орбилію грамматiku. Еще чтобъ больше изумить тебя, я расскажу, какъ теперь съ сѣдой и лысой головою я часто вижу себя во снѣ покрытымъ волосами и нацѣвпи тогу часто декламирую предъ риторомъ свою рѣчь. За то, когда просыпаюсь, я радостно привѣтствую себя, какъ человѣка уже освободившагося отъ опасности говорить рѣчи. Повѣрь мнѣ, многое изъ отрочества остается вѣрно сохраненнымъ въ нашей памяти. Если-бы ты изучалъ науки, то черепъ твоего ума издавалъ бы запахъ того, чѣмъ онъ былъ однажды напоенъ. Багряный цвѣтъ шерстяной одежды не смываетъ никакая вода. Даже ослы и другія безсловесныя животныя, переходя въ другой разъ тотъ же путь, хотя бы очень длинный, узнаютъ всегда прежнія мѣста остановки. Ты удивляешься, какъ я не забылъ латинскихъ книгъ, когда ты греческія изучалъ безъ учителя? Діалектическая наука научила меня семи способамъ заключеній; изъ нея я узналъ, что значить аксіома,—слово, соотвѣтствующее латинскому слову *propositum* (рѣшенное);—какимъ образомъ безъ глагола и имени не можетъ быть никакого сужденія; научился распознавать хитрости и обманы въ софизмахъ. Я могу поклестся, что съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ школы, я никогда не читалъ объ этомъ. Итакъ мнѣ остается развѣ, какъ говорится въ баснѣ поэтовъ, выпить изъ усыпляющаго источника Леты, чтобъ не слышать обвиненій въ знаніи того, что я изучилъ. И ты, который ставишь мнѣ въ вину малое знаніе и представляешь изъ себя какого-то ученаго и даже раввина, отвѣть мнѣ, зачѣмъ ты осмѣлился писать что либо и переводить краснорѣчивѣйшаго мужа Григорія (Назіанзина), желая сравняться съ нимъ въ достоинствѣ по краснорѣчію. Откуда у тебя такое богатство словъ, свѣтлость взгляда, разнообразіе въ переложеніяхъ, —

у человѣка, который едва попробовалъ краснорѣчія своими юношескими губами? Или я обманываюсь и ты тайно изучаешь Цицерона. И настолько ты краснорѣчивъ и оправдываешь мое подозрѣніе, что читаешь Цицерона, что изъ числа церковныхъ писателей одинъ считаешься источникомъ краснорѣчія. Какъ кажется, ты заимствуешь болѣе у философовъ; какъ напримѣръ язвительность у Кленита, витіеватую запутанность у Хризиппа и то не со стороны искусства изложенія, котораго ты не знаешь, можешь быть сопоставленъ съ ними, а по величію ума. И такъ какъ стойки присвоили себѣ логику и ты презираешь эту сумазбродную отрасль знанія, то съ этой стороны ты представляешься епикурейцемъ: не спрашиваешь, какъ нужно говорить, а заботишься о томъ, что нужно говорить. И развѣ ты виноватъ въ чемъ нибудь, если другой не понимаетъ, что ты хочешь сказать, потому что ты говоришь не для всѣхъ, а только для своихъ? Да наконецъ и я, перечитывая твои сочиненія, хотя иногда и не понимаю, объ чемъ ты говоришь и представляю себѣ, что я имѣю дѣло съ Гераклитомъ ¹⁾, однако не скорблю и не жалѣю траты времени: потому что я настолько же страдаю при чтеніи, насколько ты страдаешь при написаніи.

31. Защищаетъ сновидѣніе и объясняетъ, почему Руфинъ порицаетъ его. Я призналъ бы за собой обѣщаніе, если бы давалъ его въ бодрственномъ состояніи. Теперь же, представляя съ своей стороны новое безстыдство, онъ ставитъ мнѣ въ упрекъ мое сновидѣніе. Я желалъ бы, чтобъ святость мѣста и собраніе святыхъ со всего міра оставили мнѣ свободу читать священное писаніе, свободу, которой тѣмъ болѣе у меня недостаетъ для того, чтобъ заниматься свѣтскими книгами. Но

¹⁾ Греческій писатель считающійся самымъ темнымъ между писателями и потому получившій еще въ древности прозваніе: *σχοτεινός* (темный).

однако тотъ, кто ставитъ въ преступленіе сонъ, пусть послушаетъ голоса пророковъ, что снамъ не должно вѣрить, потому что ни прелюбодѣяніе во снѣ не ведетъ въ адъ, ни корона мученичества не возводитъ на небо. Сколько разъ во снѣ я видѣлъ себя умершимъ и положеннымъ во гробъ! Сколько разъ я леталъ надъ землей и переплывалъ, плавая въ воздухѣ, и горы и моря! Послѣ этого онъ заставляетъ меня или не жить или имѣть по бокамъ крылья, потому что мысль часто увлекается пустыми, обманчивыми образами. Сколько людей видѣли себя богатыми во снѣ и должны были разочароваться при своемъ пробужденіи? Жаждащіе пьютъ изъ цѣлыхъ потоковъ, и пробудившись ощущаютъ жаръ на засохшихъ губахъ. Ты требуешь отъ меня исполненія обѣщанія, даннаго во снѣ. Этотъ же вопросъ я поставлю предъ тобой, только правильнѣе и точнѣе:—ты сдѣлалъ все, что обѣщалъ въ крещеніи? Все, что требуетъ отъ насъ обѣтъ монашества, исполнилъ каждый изъ насъ? Остерегайся, чтобъ изъ-за чужаго сучка не проглядѣть бревно въ своемъ глазу. Я говорю объ этомъ съ неохотой и не расположенный къ такой рѣчи языкъ скорбь вызываетъ на слова. Для тебя недостаточно то, что ты слагаешь на меня бодрствующаго, тебѣ нужно вводить обвиненія и на соннаго. Ты такую имѣешь любознательность по отношенію къ своимъ дѣйствіямъ, что взвѣшиваешь и разбираешь даже то, что я сказалъ или сдѣлалъ во снѣ. Опускаю, что, говоря противъ меня, ты запятналъ себя: и словами и дѣломъ сдѣлалъ то, что клонить къ униженію всѣхъ христіанъ. Объ этомъ одномъ объясняю тебѣ и повторяя снова и снова не перестану уговаривать тебя. Ты вызываешь на непріятности ¹⁾ и если-бъ я не имѣлъ предостереженія въ словахъ Апостола: злословящіе царства Божія не наследуютъ (1 Кор. VI, 10) и: если угры-

¹⁾ У Иеронима приведенъ родъ пословицы: *cornutam bestiam petis*

заете другъ друга, опасайтесь, чтобъ не быть истребленными другъ отъ друга (Гал. V, 15), то теперь бы узналъ, что отъ малаго и коварнаго согласія большое произошло въ мірѣ несогласіе. Какая польза для тебя поносить насъ и предъ извѣстными и предъ неизвѣстными? Или потому что мы не послѣдователи Оригена и не знаемъ, чтобъ мы грѣшили на небѣ, такъ должны быть обличаемы, какъ грѣшники на землѣ? И развѣ на томъ держалось наше согласіе, что мнѣ нельзя было говорить противъ еретиковъ для того, чтобъ ты не подумалъ, что, отсылая ихъ, я нападаю на тебя? Пока я не отказывался хвалить тебя, ты слѣдовалъ мнѣ, какъ учителю, называлъ меня братомъ и товарищемъ и открыто провозглашалъ меня между всѣми православными. Когда же я не призналъ твоихъ достоинствъ и считалъ себя недостойнымъ восхвалять такого мужа, ты переѣнилъ расположеніе и сталъ порицать все, что прежде хвалилъ, произнося одними и тѣми же устами и горькое и сладкое. Знаешь ли, объ чемъ еще я умалчиваю, не находя выраженій, отвѣчающихъ тому, что чувствуетъ моя пылающая грудь? и говорю съ Псалмопѣвцемъ: положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія во устнѣхъ моихъ. Не уклони сердце мое въ слова лукавствія (Псал. CXL, 3). И въ другомъ мѣстѣ: когда возсталъ противъ меня грѣшникъ, я сталъ нѣмъ и смирился и счелъ за благо умолчать (Пс. XXXVIII, 1—2). И еще: я, какъ глухой, не слышалъ и, какъ нѣмой, не отверзалъ устъ своихъ (Пс. XXXVII, 14). Но пускай, отмщая за меня, отвѣтитъ тебѣ Господь, Который говоритъ чрезъ пророка: у Меня отмщеніе и я воздамъ, сказалъ Господь (Римл. XII, 19). И въ другомъ мѣстѣ: сѣдя на брата твоего

клеветаль еси и на сына матери твоея полагаль еси соблазнъ. Сія сотвориль еси и умолчахъ, вознепщеваль еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя (Пс. XLIX, 20—21), чтобы то, что ты, осуждаешь въ другихъ, увидѣлъ осужденнымъ въ себѣ самомъ.

32. О Хризогомѣ, послѣдователѣ Руфина. Сверхъ того я слышалъ, что Хризогомъ, послѣдователь Руфина, ставитъ мнѣ въ упрекъ, почему я сказалъ, что въ крещеніи отпускаются все грѣхи и, послѣ смерти ветхаго человѣка, новый человѣкъ встаетъ во Христѣ и что въ церкви есть нѣсколько священниковъ подобнаго рода. Ему я отвѣчу коротко: они имѣютъ предъ собой книгу, которую обвиняютъ (Письмо къ Океану). Пускай онъ отвѣтитъ, опровергаетъ ее своимъ разсужденіемъ и писанное обличитъ писаннымъ. Зачѣмъ опъ, наморщивши чело и принявши на себя видъ искушеннаго опытомъ и лѣтами человѣка съ важностію толкуетъ о пустякахъ и притворною серьезностію хочетъ выдать себѣ за святаго предъ простымъ народомъ? Пускай услышитъ насъ еще разъ громко провозглашающихъ, что древній Адамъ всецѣло умираетъ въ купели, и возстаетъ со Христомъ въ крещеніи новый: погибаетъ перстный и возстаетъ небесный. Мы это говоримъ не потому, чтобы мы были заняты, по благоволенію Христа, этимъ вопросомъ, но будучи спрошены братьями, мы высказали въ отвѣтъ наше мнѣніе, не стѣсняя напередъ никого слѣдовать какому угодно мнѣнію и не ниспровергая своимъ мнѣніемъ рѣшенія другихъ. Мы, скрываясь въ своихъ кельяхъ, не добиваемся священства и не слѣзшимъ, отбросивши смиреніе, покупать епископство

золотомъ. Мы не желаемъ возставать мятежнымъ умомъ противъ избраннаго Богомъ священника и учимъ сретиковъ, не поддѣлываясь къ нимъ, не покровительствуя имъ. Мы не имѣемъ денегъ и не желаемъ имѣть: имѣя одежду и пищу, мы и тѣмъ довольны (1 Тим. VI, 3), воспѣвая непрестанно то, что говоритъ Псалмопѣвецъ о восходителѣ на гору Господню: онъ не далъ въ ростъ денегъ своихъ и не принялъ дара на неповиннаго. Кто сдѣлалъ это, тотъ не подвижится во вѣкъ (Ис. XIV, 5—6) и слѣдовательно, кто не дѣлаетъ злаго, тотъ уже ниспровергнуть на вѣки.

Конецъ первой книги.
